

УДК 82.01 / 09: 821.161:470.3251

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ АВТОБИОГРАФИЙ ПРАВОСЛАВНЫХ СЯТИТЕЛЕЙ В «СОБСТВЕННОРУЧНЫХ ЗАПИСКАХ...» ИОАСАФА (ГОРЛЕНКО) И «ДИАУРИШЕ» ДМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

А. И. Жиленков

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
zhilenkov@bsu.edu.ru*

В статье исследуется традиционалистское содержание и форма в автобиографиях православных святителей первой половины XVIII века, Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского, и Дмитрия Ростовского. Рассматриваемый материал представлен типологическим разнообразием жанра автобиографии – записками и дневником.

Ключевые слова: традиционалистское содержание и форма, автобиография, типологические разновидности, жанр.

Целью статьи является исследование традиционалистского содержания и формы в автобиографиях православных святителей первой половины XVIII века, Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского и Обоянского (годы жизни – 1705 – 1754; на Белгородской кафедре с 1749 по 1754) и Дмитрия, митрополита Ростовского и Ярославского (годы жизни – 1651 – 1709; на Ростовской кафедре с 1702 по 1709).

Введение в единый ряд имен и произведений святителя Иоасафа (Горленко) и Дмитрия Ростовского объясняется величию их священнического подвига и историко-культурной значимостью их творческого наследия.

Рассматриваемый материал представлен типологическими разновидностями жанра автобиографии – «записками» и «диауришем» (дневником).

В XVIII в. продолжалась традиция древнерусской литературы создания произведений, посвященных описанию событий жизни их составителей. Традиция ведет начало от «Поучения» князя Владимира Мономаха (ок. 1117 г.).

В памятниках церковной традиции автобиографические элементы содержатся в рассказе Лазаря Муромского, основателя Успенского монастыря на острове Муч, записанном игуменом Успенского монастыря Феодосием в конце XIV века.

Автобиографическими записками – духовными завещаниями составителей открываются два монастырских устава – Устав Евфросина Псковского (XV в.) и Устав Герасима Болдинского (до 1554 г.). Предположительно между 1570 и 1595 гг. написана повесть игумена Мартирия о своем пустынножительстве и об основании им Зеленецкого монастыря. Названные произведения предшествовали созданию автобиографических повествований XVII века: «Записки» основателя Троицкого скита на Анзерском острове Елеазара Анзерского (1676 – 1656) и автобиографических житий Аввакума (1672 – 1675) и Епифания (в 1667 – 1671 гг. составлена первая часть жития Епифания; в 1673 – 1675 – вторая; около 1666 г. создана автобиографическая записка, предшествовавшая житию).

Таким образом, традиция составления автобиографии в древнерусской литературе существовала, развивалась по законам средневековой поэтики и в таком виде вошла в Новое время.

«Собственноручные записки о жизни своей епископа Иоасафа (Горленко), путешествия в свете сем грешника Иоасафа, игумена Мгарского» [1] – это довольно лапидарные записки по годам событий, связанных, прежде всего, с церковным служением автора.

Хронологический охват краткой автобиографии Иоасафа определяется первой записью о рождении в 1705 г. до «финального» 1746 г., когда записки обрываются. Пропустив рассказ о детстве, Иоасаф говорит об отроческом стремлении к монаше-

ству, которое осуществилось уже в 1725 г., когда будущий святитель «принял рясофор», стал иноком в Киево-Межигорском монастыре, а в 1727 г. он «принял мантию» в Братском монастыре. В следующем 1728 г. был «рукоположен в диаконы», а в 1729 г. определен «во учителя» при Киевском Братском училище и в этой должности пробыл три года, до 1732 года.

В череду назначений Иоасафа на церковные должности, происходивших почти ежегодно, вводятся и упоминания о творческой деятельности – 1732 года торжественное чтение собственной приветственной речи в виде «диалога» по поводу восшествия на престол Киевской епархии преосвященного Рафаила Заборовского, ставшего архиепископом Киевским.

С 1737 г. в записях об очередных назначениях на должности появляется и настойчиво звучит тема «болезней», от коих Иоасаф не избавился до самой смерти, «болел в отчаянии живота», и эта же тема перемежается пространными рассказами о содержании сновидений, которые заполняют почти все погодные записи вплоть до последней записи от 4 апреля 1746 г., на которой автобиография обрывается.

Источником биографических сведений о Димитрии (Туптало), митрополите Ростовском и Ярославском являются «Диауриши»: «Дневные записки Святого Димитрія Митрополита Ростовского, с собственноручной писанной им книги, к Киевопечерской Книгохранильнице принадлежащей, списанные» [2], изданные в «Древней Российской Вивлиофике» в переводе Н. Н. Бантыша-Каменского с примечаниями Н. И. Новикова¹.

В одном из первых примечаний Н. И. Новиков объясняет происхождение названия произведения «Диауриши» как слово польское, «дневные записки», заимствованное, в свою очередь, из латинского языка.

О времени начала ведения дневника известно из упоминания в них самим Димитрием: «1681 года, во вторникъ второй недѣли по Пасцѣ, сія книга сооружися». В записи от 3 апреля 1689 года Димитрий объясняет цель ведения дневника: «Я за нужное разсудилъ въ сію мою памятную книжку включить то, что давно дѣлалось, для незабвенія мнѣ, имѣющему память уже слабую...».

В начале биографии традиционно вспоминаются Димитрием благочестивые родители, наречение именем, место рождения и то, что «Крещеніемъ Святымъ просвѣщенъ». Сразу же после этого три «погодные» записи, следующие одна за другой, повествуют об обретении священнического поприща: 1668 г. – «во иноческій образъ обличенъ»; 1669 г. – «во Діакона поставленъ... въ Каневѣ»; 1675 г. – «во Священника поставленъ... въ монастырѣ Густинскомъ».

Начиная с 1677 г. дневники почти полностью подчиняются теме внутрицерковной жизни: «свершалъ Литургію», «сказывалъ... проповѣди», непрестанно разъезжал для свершения своего долга по монастырям и церквам, был «на перенесении мощей», «был у чудотворного образа»...

С 1678 г. в дневники вводится переписка Димитрия. В круг адресатов и адресантов входят, конечно же, церковнослужители, например, св. отец Дзик, игумен Киевского Михайловского монастыря (письмо к монахам Слуцкого братства), виленский игумен Клементий Тризна (послание Димитрию), патриарх Московский и Всероссийский, письма к Феологу.

Жанровый состав эпистолярного наследия представлен собственно письмами, прошениями, грамотами, наставлениями святого Димитрия духовенству своей епархии. Содержание эпистол – это комментирование взаимоотношений с иерархами церкви, обращения к духовенству и пастве, размышления о своем поприще; большое внимание уделено выполнению подвижнической задачи – составлению и печатанию

¹ «Диауриш» Димитрия Ростовского цитируется в статье по изданию «Древняя Российская Вивлиофика. Издание второе. Часть XVII. – Москва, В Типографіи Компаніи Типографической, 1791. – С. 1 – 108.

годовых житий святых, чему было отдано много сил и времени, приводятся «повести» об обретении святых образов.

В тех же эпистолах упоминаются и чудесные видения: во сне привиделась пещера с мощами святых и во гробе почившая святая великомученица Варвара, чудесным образом ожившая и обращающаяся к Димитрию с укором в ленности; было видение Димитрию святого мученика Ореста во время пребывания в Печерском монастыре и др.

Упоминаются в дневнике и различные происшествия, например, пожары, а также необычные природные явления: «ночью, въ Батуриѣ было трясеніе земли», «затмѣніе мѣсяца».

Особый тип многочисленных записей представлен «некрологами», статьями об умерших родственниках и священниках. За редким исключением они выполнены, как правило, лаконично, по определенной схеме, с использованием подходящих случаю этикетных формул.

В двух типах автобиографии обнаруживаются не только похожие структуры в виде «погодных» записей, но и общее «видение» авторами своей жизни сквозь призму средневековых книжных форм. Проявляется общность жанрового мышления, характерного именно для данной эпохи: их восприятие жизни явно традиционалистское и выражено в традиционалистском виде (прикладной характер, этикетность, формульный стиль книжного творчества).

С точки зрения типологии биографизма автобиографические сочинения святителей относятся к средневековому типу, который обусловлен религиозным мировоззрением (по содержанию) и нормативностью, точнее, каноничностью (по форме). Видение своей жизни и «выстраивание» ее в произведениях авторами условно может быть определено – «по вертикали»: «Бог – Человек». Это отличает средневековый тип биографизма от типа биографизма Нового времени, насыщенного секуляризированным содержанием и ненормативным по форме. Условно определяя видение автором себя и запечатляя это видение в произведении, можно воспользоваться аналогией – «по горизонтали»: «Человек – Человек».

Изложенный материал автобиографий, естественно, осмысливается авторами традиционно. Традиционализм мышления проявляется и в отборе жизненных событий (ранний выбор поприща, служба священником, болезни, сновидения, пророчества), в самом принципе их выстраивания в сюжете, и в видении жизни как «путешествия» «грешника».

Форма, в которой преподносятся автобиографии, ассоциируется, прежде всего, с летописями и житием. Это не только устойчивые, но и универсальные формы, способные выразить как традиционное содержание, так и проявлять гибкость во взаимодействии с новыми жанрами.

В «Записках...» Иоасафа и «Диаурише» Димитрия использован летописный «погодный» принцип композиции, наиболее характерный его внешний признак – краткость изложения. В летописное повествование погодная запись вводится традиционными формулами: «В годе 1729, в месяце августе последних числ...» (у Иоасафа); «1668 іюля 9, на Святого Священномученика Панкратія...» (у Димитрия).

Летописные «погодные» записи сформировали особую сферу повествования – единичных фактов, важных для летописца, заслуживающих упоминания, но не требующих подробного изложения в форме развернутого рассказа – регистрация смерти того или иного священника, основание церкви, стихийное бедствие, явления природы. «Автобиографические летописания» святителей именно на этом и сосредоточены, в отличие от летописей не затрагивают политических событий.

«Записки...» Иоасафа отличаются «документализмом» – краткостью и точностью регистрации фактов, характерной «протокольной» изложения, фактографичностью (безэмоциональное указание даты события, года, числа, месяца, места...).

«Диауришу» Дмитрия свойственна пространность изложения, стремление подняться над элементарной регистрацией события, дать ему моральную оценку, ссылаясь на божественную волю.

С летописным повествованием сочинения святителей сближаются особым историческим мышлением, которое предполагает основную категорию, в аспекте которой могли и должны были рассматриваться события, категорией «времени». Ряд фактов (исторических, политических) просто выпадает из реального причинно-следственного контекста. «Прошлое» и «настоящее» распадаются на ряд фактов, соединяет которые только «время». Когда события представляют собой простой ряд единичных фактов, то каждый элемент этого ряда принимает форму фрагмента.

Очевидно, что композиция автобиографии выстраивается в соответствии с летописным «погодным» принципом и основной категорией «времени».

Время автобиографий святителей при этом обладает рядом характеристик, важнейшие из которых «способность изменяться» и «интенсивность». Ритм времени у Иоасафа ускоряется и интенсифицируется к финалу записок. События фиксируются уже не по годам, а по месяцам и дням, первоначальная размеренность сменяется динамичным финалом. Кроме того, время насыщается драматичностью, так как с 1737 года Иоасафа преследуют изнурительно тяжело протекающие болезни. Автор весьма подробно описывает причины, условия заболеваний и их течение. Болезни сопровождаются непременно сновидениями с явлениями святых, Божьей матери и пророчествами.

В жанре, описывающем жизнь человека, время становится «биографическим». Закономерная тенденция летописца внести упорядоченность в поток фактов, закрепив их к определенной единице времени, в биографии обуславливается еще и «человеческим фактором»; в центре автобиографии оказывается собственная жизнь автора.

Как правило, летописи включали биографии князей, святых, и эти биографии выдерживались, как правило, в агиографическом плане, то есть приобретали житийный характер.

В XVIII ст. биографизм заявляет о себе традиционалистски – агиографическим «обозначением» биографии. Литература активно пользуется потенциалом жанра жития, примером может служить первый в России историко-биографический очерк «Житие Квинта Горация Флакка», созданный в 1742 г. А. Д. Кантемиром. И даже через пятьдесят лет, в 1789 г., А. Н. Радищев создает беллетризованное «Житие Федора Васильевича Ушакова».

Автобиографии святителей сближаются с житийным канонem и в идейном, и в символическо-богословском, и в стилистическом уровнях произведения.

Следование канону на стилистическом уровне выражается в использовании определенных поэтических средств, важнейшим из которых является агиографическая топики (*loci communes*); на идейном и символическо-богословском уровне ориентация на канон находит отражение в принципе уподобления (*imitation*) и следовании сакральным образцам.

Во внутрижанровой агиографической типологии автобиографии Иоасафа и Дмитрия оказываются наиболее близкими каноническим «житиям святителей», основное содержание которых сводится к повествованию о подвижнической жизни св. иерархов – церковному и общественному служению. Это отнюдь не обязательно свидетельствует о создании собственных житий (по аналогии с аввакумовским житием), но лишь указывает на традиционализм художественного мышления.

Отступлением от житийного канона в автобиографиях можно было бы считать рассказ от первого лица, а не от третьего, отсутствие композиционной трехчастной нормы – вступления, собственно жития и заключения, в котором обязательно присутствует похвала святому.

Рассматриваемые автобиографии демонстрируют парадоксальную ситуацию – наличие внутри жанра противоборствующих тенденций, детерминированных различными методами – летописным, агиографическим и биографическим.

Летописный метод нацелен на регистрацию единичных фактов, в то время как агиографический метод стремится к созданию обобщенного образа святого и отбору иллюстраций его святости, при этом биография повествует о жизни реального человека, жизни, наполненной динамикой и напряжением, житие же лишает героя роста, движения, становления характера; святой статичен, освобожден от всего частного, случайного. По определению И. П. Еремина, «житие не столько отражает действительность, сколько планомерно и настойчиво навязывает ей свой абстрактный идеал человека, часто умозрительный» [3, с. 15].

Традиционалистский характер автобиографий проявляется в следовании литературному этикету, предполагающему создание ситуаций в произведении по этикетным требованиям. «Литературный этикет и выработанные им литературные каноны – наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой» [4, с. 81]. «Дело, следовательно, не только в том, что определенные выражения и определенный стиль изложения подбираются к соответствующим ситуациям, но и в том, что самые эти ситуации создаются писателем именно таким, какие необходимы по этикетным требованиям...» [4, с. 84]. Этикет словесный детерминирован этикетом поведения, который, в свою очередь, этикетом миропорядка. «Все вместе сливается в единую нормативную систему, стоящую над автором и не отличающуюся внутренней целостностью, поскольку она определяется извне – предметом изображения, а не внутренними требованиями литературного произведения» [4, с. 90].

Специфика проявления литературного этикета в автобиографиях церковных деятелей заключается в том, что в церковной сфере литературный этикет был более необходим и сохранялся дольше, чем в светской части литературы, в которой прежде всего и совершалось разрушение литературного этикета, начавшееся с XVI в., а к XVIII в. система литературного этикета была частично заменена другой системой.

Автобиографии подчиняются этикетным нормам, канонически закрепленным в летописании и агиографии. В рамках автобиографии они находятся в противоречивом единстве.

Летописный этикет требует «погодных записей», регистрации событий факт за фактом, сопровождения моральной оценкой, ссылками на божественную волю.

Летопись давала биографу образец изложения событий и в погодном виде, и в виде летописных рассказов, свидетельствовала о закономерной тенденции внести порядок в поток подлежащих обзору фактов, прикрепив каждый из них к определенной единице времени.

Характерная для эпохи система летоисчисления – от сотворения мира в автобиографиях трансформировалась в специфическую церемониальную форму: «Родился, по сказке родителей своих, в год 1705, месяца сентемврия, дня 8, наречен в святом крещении Иоакимом», – у Иоасафа; «Во грѣсѣхъ роди мя мати моя 1651 года, мѣсяца декабря, и наречено бысть ми имя Даниїль: въ тотъ часъ была Воеводина Радзвилова, и Крещеніемъ Святымъ просвѣщенъ», – у Димитрия.

В пределах погодных записей церемониально регистрируется смерть того или иного митрополита, игумена («Яннуарія 19 дня съ четверга на пятницу предъ полночью преставися братъ Іеродіаконъ Іосифъ, постриженецъ Отца Гугуревича: вѣчная ему память!», «Тогожъ мѣсяца 12 дня, въ ночи затмѣніе мѣсяца было; и отецъ Іаковъ Олонецкій въ Печерскомъ монастырѣ преставися. Вѣчная память» Онъ мнѣ отказалъ книгу Hortum Paftorum, т.е. Садъ Проповѣдническій»), основание церкви, стихийные бедствия, явления природы. Но если Иоасаф, как летописец, оперирует главным образом, погодным видом записи, будучи нацелен на точную и короткую регистрацию определенного факта в протокольном, стилистически аморфном виде, то Димитрий, как правило, использует летописный рассказ, который также документален, фактографичен, но более пространен, детализирован, дополнен речами действующих лиц повествования, иногда целиком состоит из речей и обширных монологов, пространных эпистол («1688 годъ. Март, 15 изъ монастыря Святителя Христова Николая Крупицкаго Бату-

ринского, писалъ я въ Москву къ Патріарху слѣдующее письмо. «Божією милостію Великому Господину святѣйшему и Всеблаженнѣйшему Отцу Киръ Іоакиму, патріарху царствующаго града Москвы и всея Россіи и Сѣверныхъ странъ Отцемъ Отцуи Пастыремъ Пастырю, моему же изряднѣйшему Архипастырю, премилостивому отцу и величайшему благодѣтелю смиренную мою до лица земли предъ стопы ногъ скланяючи главу, нижайшеетворю поклоненіе», «Вашего Святительства, Отца Отцемъ и Пастыря Пастуремъ, Господина Отца, рхипастыря и благодѣтеля моего величайшего, нижайшій рабъ, смиренный Игуменъ Димитрій»), выполненных в обычных этикетных правилах.

В сложном единстве с «летописным этикетом» находится агиографический этикет. Этикет составителя жития проявляется в автобиографиях в том, что, описывая свою жизнь, автор стремился увидеть ее так, как надлежит проживать и вести себя святым. Автор вкладывает в свои уста выражение простоты и благочестия, описывает свою покорность Божьей воле, то есть личностное восприятие в рассказе о собственной жизни должно соответствовать общепринятым представлениям о святости, соотноситься с житийным каноном святителя.

В церемониальном виде выдержаны рассказы о рождении, непременно у благочестивых родителей, раннем осознании духовного призвания и выборе монашеского поприща, наречении иноческим именем, «принятии мантии», «рукоположении в диаконы», «рукоположении во священники», «посвящении во игумена».

Этикет предусматривает выражение незаинтересованности святителя в карьерном продвижении, потому типичны «оправдательные формулы»: «аще и по крайнему моему нежеланию, божию же смотрению преданный, и по архипастырской не отрицающий» (Иоасаф), «Сего дня сподобилъ васъ господь Богъ Игуменства» или «Взыдохъ на престолъ мой въ Ростовъ, Господнемъ изволеніемъ» (Димитрій).

Церемониальны отъезды с неперменной мотивацией поездки, слезные прощания с братией «с плачем и жалостію... с обеих сторон...» и возвращение из поездок, «приехал и начал жить с Богом на послушании наместническом».

Этикетным правилам благочестия подчиняются сны, видения («В той болезни октября с 26 против 27 сон видел такой: виделся святитель Христов Афанасій, иже в Мгаре, ходящий близ своей раки в своем архиерейском одеянии...», «В 1741 году, в месяце марте.. виделось мало уснувши мне, в день быть в сослужении панихиды некоторой с преосвященным Рафаилом в церкви святой Софии Киевской...», «В 1742 году, септемвриа 10 дня... под городом Тулою, на ночлеге, видел сон такой: показалось, в церкви святых Софии кафедральной Киевской...») – у Иоасафа; («1685 годъ. Августа 10 въ понедѣльникъ услышавъ я благовѣсть къ заутрени... не поспѣлъ къ началу, но проспалъ... Въ сіе время видѣлъ слѣдующее видѣніе: казалось, будто поручена была мнѣ въ смотреніе нѣкоторая пещера, въ коей Святые почивали мощи») – у Димитрія), молитвословия («Мѣсяца Іюня (1684 годъ)... Святая дѣво Варваро! Благодѣтельница моя! Умоли Бога о грѣсѣхъ моихъ... умолю, ибо молишься по Римски. (Думаю, что сіе мнѣ сказано для того, что я весьма лѣнивъ къ молитвѣ, и уподобляясь въ случаѣ Римлянамъ, у коихъ весьма кратко молитвословіе, такъ какъ и у меня краткая и рѣдкая молитва)», - у Димитрія), повествования об обретении икон и образов святых (!1700 годъ. Декабрь 16, изъ великой церкви Печерской, изъ великаго олтаря, присланъ ко мнѣ на благословеніе образъ ресвятыя Богородицы Московскій ... О семъ образѣ таковая повѣсть» - у Димитрія), протекания болезней («апреля 4 дня, упал на ноги и даже до последних дней мая не вставал с ложа», «Августа 16-го крепко заболел, с какою болезнью боролся доже до месяца генваря 1738 года, и уже близ исходе обретался; Божею же наказующею милостію паки здравіем помилован, однако не первым, но всегда в слабости и от тех времен час от часу к исхождению шествую сию многопечальную жития моего стезю, до воле Бога, подкрепляющего мя», «болезновал в отчаянии живота... Бог же милостив ещ дал жить хвале своей святой» (Иоасаф)).

Озабочен автор биографии и подысканием этикетного образца для подражания в библейском прошлом (у Димитрія дается ссылка на Вергилия: «1707 годъ. Декабрь

28... зналъ бы, я нынѣ развѣ со Стихотворцемъ скажу: «Были мы Трояне, была Троя и знаменитая Тевкровъ слава, и пр. теперь остался только прахъ, и нѣтъ кораблямъ пристанища»).

В сложное взаимодействие с летописным и агиографическим этикетом вступает явление нового характера, такое, как биографизм, который нацелен на проявление личностно-индивидуального начала и способствующего разрушению средневековой условно-нормативной связи содержания с формой. В XVIII в. этикетный обряд существует, но он отрывается от ситуации, его требующей. Его правила уже соблюдаются не к месту, и не в тех случаях, когда они нужны. По мысли Д. С. Лихачева, этикет перестает быть в это время жизненно необходимой для феодализма формой идеологического принуждения и становится явлением оформления государственного быта. Разрушение литературного этикета за счет появления биографизма происходит посредством оживления церемониальной стороны сочинений реально наблюдаемыми подробностями, столкновением развития этикета с развитием склонности конкретизации изложения в прямой речи и, наконец, за счет подновления этикетных формул.

Все-таки при всех внутренних противоречиях автобиографии православных святителей являют яркий пример новаторского осмысления автобиографического жанра в новых социокультурных условиях XVIII столетия.

Список литературы

1. Литературные памятники Белгородчины. Антология – Белгород: Белгородская областная типография, 2008. – 564 с.
2. Дневные записки Святого Димитрія Митрополита Ростовского, с собственноручной писанной им книги, к Кіевопечерской Книгохранильницѣ принадлежащей, списанныя» // Древняя Россійская Вивліюфика. Издание второе. Часть XVII. – Москва, В Типографіи Компаніи Типографической, 1791. – С. 1 – 108.
3. Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1968. – 208 с.
4. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – СПб.: Алетейя, 1997. – 508 с.

TRADITIONALISM IN AUTOBIOGRAPHIES OF ORTHODOX PRELATES IN «THE NOTES» BY IOASAF (GORLENKO) AND «THE DIARY» BY DIMITRY ROSTOVSKIY

A. I. Zhilenkov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
zhilenkov@bsu.edu.ru*

The article describes the traditionalist content and form in the autobiography of orthodox prelates of the first half of the XVIII century by Ioasaf (Gorlenko), Bishop of Belgorod, and by Dimitry Rostovskiy. The paper presents the typological variety of genre of autobiography notes and diary.

Keywords: traditionalist content and form , autobiography, typological variety, genre.